

Мустай Карим

РАДОСТЬ
НАШЕГО ДОМА
♦
ДОЛГОЕ-ДОЛГОЕ
ДЕТСТВО

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос.Баш)-44
К 23

Перевод с башкирского
Ильгиза Каримова, Валентины Осеевой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-26058-0

© Мустай Карим (наследники), 2024
© И. М. Каримов (наследник), перевод, 2024
© В. А. Осеева (наследники), перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

**РАДОСТЬ
НАШЕГО ДОМА**

КУДА УЕХАЛА МАМА?

Есть ли у вас на душе что-нибудь такое, о чем вы обязательно хотели бы рассказать всем хорошим людям? Наверно есть! И у меня есть. Сейчас я начну рассказывать.

Это случилось в нашем доме во время войны. Мой папа тогда вместе со всеми джигитами аула воевал на фронте, а мама работала в колхозе.

Как-то зимой моя мама попросила у председателя колхоза, дяди Якупа, легкие сани, запрягла лошадей и привезла в гости бабушку из аула Тимертау. Бабушка переночевала у нас, а утром мама стала собираться в дорогу. Человек не сушит сухарей, если ему недалеко ехать, а мама приготовила их целый мешок, да еще напекла разных вкусных лепешек. Потом связала какие-то вещи в узелки. Не будет же человек ни с того ни с сего связывать вещи в узелки!

Мне стало очень скучно, хотя никто еще не говорил, что мама уезжает.

— Вставай, Ямилъ, вставай! — будит меня утром бабушка. — Смотри, какие вкусные лепешки испекла твоя мама.

Когда на столе что-нибудь вкусное, меня не надо долго упрашивать. Только это у нас редко бывает.

Я быстро умылся и сел на свое место за столом. Над большим самоваром поднимался пар.

Бабушка начала разливать чай. Мама все еще хлопотала у печки, потом быстро закончила свою работу и тоже присела к столу.

За окном было темно, только чуть-чуть белел снег. Почему же мы так рано пьем чай? Я сразу вспомнил о дорожных узелках и мешке с сухарями. Но мне все еще никто ничего не говорит.

После чая мама подзывает меня к себе и тихонько гладит по плечу:

— Сын мой, Ямилъ! Я уезжаю в далекий город, а ты слушайся бабушку, хорошо?

— Хорошо, — отвечаю я и киваю головой, а из моих глаз катятся слезы. Я не могу удержать их, хотя уже раньше обо всем догадался.

Мама и бабушка как будто не замечают моих слез, и я, раза два шмыгнув носом, перестаю плакать.

— Будь осторожна, доченька, смотри вперед и оглядывайся назад, — наставляет маму бабушка. — Недаром говорят: в дальнем пути человека ждет сорок бед.

Мама не отвечает. Она снимает с вешалки свою шубу, берет теплую белую шаль и начинает одеваться. Бабушка подает ей вещевой мешок. Потом мы все трое садимся и долго молчим. Только бабушка что-то тихонько шепчет про себя.

Вдруг мама поднимается с места, обнимает сначала бабушку, потом меня и, прощаясь, говорит:

— Будьте живы-здоровы!

Мне становится очень жаль маму. На дворе темно и холодно. Сейчас зима, а мама отправляется в далекий путь!

Вот она, такая маленькая и тоненькая, быстро-быстро идет к двери. На пороге еще раз оборачивается, улыбается нам, говорит «до свиданья» и открывает дверь.

Вот она вышла во двор. Я слышу ее шаги, она ступит ногой — снег скрипит: скрип... скрип... скрип...

Вот открылись и закрылись ворота. Теперь уже снег скрипит на улице. Шаги удаляются, они делаются все тише, тише. Скрип... скрип...

Мы с бабушкой остаемся вдвоем и долго молчим. Потом я спрашиваю:

— Бабушка, что такое «сорок бед»?

Бабушка вздыхает:

— Не знать бы тебе ни одной, сынок!

ГДЕ САБЛЯ БАТЫРА?

Мы живем вдвоем с бабушкой. Бабушка часто задумывается.

— Что же это нам нет ни письма, ни весточки? — говорит она.

Я уже не помню, сколько прошло ночей с тех пор, как уехала мама. За это время у нас случилось много нового: отелилась корова, а у черной рогатой овцы стало двое ягнят; один ягненок черный, другой — белый. В холодные дни мы приносим ягнят в дом.

Они еще очень глупенькие, ничего не понимают. То прижмутся к раскаленной железной печке и опалят шерсть, то прыгнут на высокий сундук и упадут на пол. Когда ягнята поедят и согреются, они играют и бегают по дому.

— Эх, скотинка милая, как радуется! — говорит бабушка.

Спицы останавливаются в ее руках, она смотрит из-под очков на ягнят и показывает мне на них глазами. Клубок шерсти скатывается с ее колен на пол. Бабушка вяжет варежки для тех, кто на фронте.

Я сижу на полу и прокладываю из лучинок мост между двумя валенками.

Бабушка снова начинает быстро-быстро вязать, а сама нет-нет да и взглянет на меня, приговаривая:

— Как радуются, как играют! И ягням весело, когда их двое. Вот если бы у тебя был брат или сестра, как было бы хорошо...

Я подбегаю к бабушке и прижимаюсь к ее плечу.

— У Фарита есть братишка, у Марата есть сестра, только у меня никого нет, — сейчас же жалеюсь я.

— А если бы у тебя была сестричка, ты любил бы ее? — спрашивает бабушка.

— О-о-очень бы любил! О-о-о! Если б у меня была сестричка!.. Я всегда носил бы ее на руках, ни разу не уронил бы. Как Марат!

Бабушка мягкой рукой гладит меня по голове. Мне хочется, чтоб она еще что-нибудь сказала, но она больше не говорит ни слова.

Я возвращаюсь к своему мостику. Но мостика уже нет. Ягнята, играя, рассыпали все лучинки. Ягням весело, их двое. А мне одному и играть не хочется. Если бы правда у меня была сестра! Я залезаю на сундук и сижу без дела. Сестричка, о которой говорила бабушка, встает перед моими глазами, как живая. Я так ясно ее вижу. Вначале она кажется очень маленькой, а немного погодя становится такой же, как сестренка Марата — Фагима. У нее рыжие волосы, а на красном платье нарисованы кружочки, похожие на глаза нашего гуся.

Целый день я думаю только о сестренке.

Вечером ложусь в кровать и жду, когда бабушка кончит свою работу. Иногда так и засыпаю, не дождавшись, когда ляжет бабушка. Но сегодня я не могу уснуть. На дворе буран. Ветер ударяет в ставни, и они грохочут на весь дом.

И в такую пургу нет дома ни папы, ни мамы! Может быть, они где-нибудь мерзнут... А сестричка моя? Мне кажется, будто она около папы и мамы...

Бабушка выливает воду из самовара, вытряхивает золу. Этим она всегда заканчивает свои хлопоты за день. И вот уже погасила свет, ложится в свою постель, недалеко от меня. Я высовываю голову из-под теплого одеяла и тихонько прошу:

— Бабушка, бабусенька, расскажи сказку!

— Ты все еще не спишь, ночная птичка? — спрашивает она.

— Только одну сказку, бабуся, а потом я засну, — снова прошу я и уютно сворачиваюсь под одеялом.

В доме темно и тихо. Даже ветер на дворе как будто перестает выть. Бабушка начинает рассказывать. Ее голос становится глухим, мне кажется — он доносится откуда-то издалека... нет, не издалека, а из давних-давних времен.

— В давние-давние времена, — говорит бабушка, — жил-был на свете батыр Тимербек. Однажды на его страну напал царь, у которого было змеиное туловище и двенадцать человеческих голов. Царь этот привел с собой несметное войско. Тимербек вместе со всеми джигитами ушел на поле боя защищать свою страну. А дома у батыра Тимербека осталась красавица-сестрица Гульнур с лицом, как луна, с глазами, как звезды.

Однажды Гульнур со своими подругами пришла за водой к озеру. Вдруг поднялась буря, закружился вихрь. Девушки разбежались и спрятались в камышах. Когда буря утихла, девушки вышли из камышей на берег. Только Гульнур не вышла. Ее подруги обыскали все вокруг озера, искали Гульнур до вечера и не нашли. Так и не стало красавицы Гульнур, девушки с лицом, как луна, с глазами, как звезды.

Батыры-воины, прогнав царя со змеиным туловищем и двенадцатью человеческими головами, с радостью возвращались домой. Приехал домой и Тимербек. Но радость его сменилась горем. Не слезая со своего крылатого коня, батыр вложил в ножны саблю, которая могла одним взмахом достать врага за сорок верст, и поехал искать Гульнур.

Ехал батыр месяц, ехал год, семь морей переплыл, семь гор проехал.

В одной горной пещере повстречался Тимербеку седовласый старик.

«Здравствуй, дедушка! Какая судьба привела тебя в эти горы?» — спросил батыр.

«Путнику — добрый путь! — приветствовал его старик. — Ты, джигит, кажется, спросил, какими путями я попал сюда? Я пришел той же дорогой, что и ты».

Тимербек слез с коня и сел на камень возле старика. Старик начал рассказывать:

«Когда я был таким же молодым, как и ты, мою сестру похитил дракон. С тех пор я искал ее много лет и теперь наконец нашел. За этой горой есть железный дворец с золотой крышей. Там живет дракон. Но я состарился, одряхлел, и у меня уже не осталось силы, чтоб побороть дракона».

«Наверно, и моя сестра в этом дворце. Едем скорей! Как видно, у нас с тобой одно и то же несчастье», — сказал Тимербек и вскочил на своего коня.

«Будь терпелив, джигит, — ответил старик. — Я и сам в юности был известным батыром. Но к этому дракону нельзя близко подойти. Когда он видит приближающегося к его дворцу человека, то на сорок верст изрыгает из своей пасти огонь».

Выслушав рассказ, Тимербек вынул из ножен свою саблю, взмахнул ею — и перед глазами старика от земли до неба сверкнула молния.

«Это сабля мести», — объяснил Тимербек и рассказал старику о волшебном свойстве своей сабли.

И отправились они вдвоем в путь-дорогу. День идут, ночь идут. Наутро достигли батыры вершины высокой горы. Отсюда увидели они железный дворец. Его золотая крыша сверкала на солнце. А вокруг дворца все было черным-черно, земля превратилась в золу и уголь. Вдруг из дворца навстречу батырам с шумом вырвался огонь. Огонь все приближался и с каждой секундой увеличивался.

«Этот огонь я видел много раз, — сказал старик. — Это дракон, заметив нас, вышел из дворца».

А огонь, превратившись в огромное пламя, уже совсем приблизился к батырам. Тогда Тимербек вынул из ножен свою саблю и ударил ею по огню. Раз ударил и другой раз ударил, но пламя разгоралось все сильнее. Вот уже совсем окружил огонь батыров, опалил им лица, но не бросил Тимербек сабли своей, хоть она и накалилась докрасна.

День бился с огнем Тимербек, ночь бился. На третий день огонь ослабел. Тимербек шаг за шагом стал приближаться к дворцу дракона. За Тимербеком шел и старик. К вечеру третьего дня огонь потух, с земли поднимался черный дым. Это дымились двенадцать отрубленных голов убитого дракона.

Батыры сломали семь дверей железного дворца и вошли в него. А дворец был полон самых красивых девушек страны, похищенных драконом. И тут среди них Тимербек и старый батыр нашли своих сестер. Освободили всех пленниц и отправились домой. Радуются и веселятся они и даже плачут от радости. Да и как же им не радоваться!..

Бабушка свои сказки всегда заканчивает неожиданно. Никогда не добавит, как дедушка Мансур: «До сих пор живут-поживают, добра наживают».

Я лежу и молчу. А перед моими глазами, как молния, сверкает волшебная сабля.

— Бабушка, где же теперь сабля того батыра? — не выдержав, спрашиваю я.

Бабушка неторопливо отвечает:

— В руках у твоего папы, Ямил, та сабля... Спи уж, спи...

ПИСЬМО, КОТОРОЕ ТРУДНО ПРОЧЕСТЬ

Мама все не едет.

Однажды утром, когда бабушка вышла подоить корову, пришла тетя Гюлхылу, письмоносец. Она оставила для мамы газету из Уфы. В этой газете я разбираю только два слова, они написаны крупными буквами: «Красная Башкирия». Тетя Гюлхылу дала мне еще небольшую, сложенную вчетверо бумажку.

— Это телеграмма от матери, — сказала она и ушла.

Я держу в руках телеграмму и не знаю, что с ней делать. Что это такое — телеграмма? Хорошее это что-нибудь или плохое?

— Бабушка, а бабушка! — кричу я и бегу к ней навстречу. — Принесли телеграмму!

— Кто? Откуда?

Бабушка смотрит по сторонам. Я отдаю ей бумагу и вижу, как дрожат ее руки.

— Боже мой, только бы не «похоронная»... — говорит она.

— Нет, бабушка, тетя Гюлхылу сказала — телеграмма от мамы.

Бабушка торопливо одевает меня и посылает за дедушкой Мансуром. Если у нас что-нибудь случается, мы всегда зовем дедушку Мансура, чтоб посоветоваться. Как он скажет, так и делаем, потому что нет ничего на свете, чего бы он не знал.

Дедушка Мансур часто говорит: «Мне уже скоро девяносто лет».

Девяносто — это очень много. Я умею считать до девяноста. У дедушки Мансура есть жена — слепая бабушка Фархуниса. Они живут только вдвоем. У них не было сыновей, а дочери вышли замуж и уехали в другие аулы.

Моя бабушка часто говорит:

— Ты, Мансур, живешь с божьей помощью!

А Мансур отвечает:

— Если б не заботился обо мне колхоз, недалеко бы я ушел с божьей помощью, сестра.

Их разговор я плохо понимаю.

Дом дедушки Мансура рядом с нашим. Я вхожу в ворота. Дедушка Мансур подметает двор.

— Дедушка! Принесли телеграмму, иди скорей! — кричу я.

Дедушка Мансур, ни о чем не спрашивая, входит к себе в дом. Я только один разочек взбираюсь на снежную горку у крыльца, скатываюсь вниз и бегу домой.

Когда дедушка Мансур идет к нам давать советы, он всегда надевает белый чекмень¹ и подпоясывается красивым красно-голубым поясом. Иногда он приходит не один, а берет с собой и бабушку Фархунису.

Сегодня они тоже входят к нам вдвоем, взявшись за руки.

— Здравствуй! Как здоровье? Как поживаешь, сестра? — спрашивает дед Мансур бабушку и усаживает свою старуху на сундук. — Телеграмма, что ли, пришла, сказал Ямил. Откуда пришла, от кого?

— Ямил говорит — от Кюнбике, но мы не можем узнать, что в ней написано, — беспокоится бабушка.

— Ну-ка дай ее сюда, — говорит дедушка Мансур и берет бумагу. — Телеграмма, сестра, — это письмо, которое посылают по проводам. Видно, Кюнбике послала.

Он долго осматривает бумагу со всех сторон.

¹ Чекмень — длинная верхняя мужская одежда.

— Прочитай уж, пожалуйста, — просит бабушка. — Сердце у меня не на месте — боюсь, не «похоронная» ли это! Ведь на войне мои дети.

— Что это не «похоронная», знаю наверняка, сестра, но вот прочитать не могу. В молодости везде я побывал, всяким ремеслам учился, и в Оренбурге был, и в Стерлитамаке, а вот разбирать написанное не научился.

Бабушка снова берет у него из рук телеграмму, то наденет, то снимет очки — так ей хочется прочитать написанное.

— Не беспокойся, кума, — вмешивается в разговор бабушка Фархуниса. Она не видит и очень редко говорит. — Не беспокойся, если это весть от Кюнбике, то, должно быть, хорошая.

— Фархуниса слепая, потому что ее глаза не видят, — говорит бабушка, — а мы с тобой, Мансур, с глазами — и тоже слепые. Больно и горько. В тот год, когда начали строить колхоз, хотели меня хорошие люди научить читать и писать, а я отказалась. А вот теперь — сиди, как глупая. Если б умела писать, сама бы сыновьям послала свое благословение.

Мне очень жалко смотреть, как мучаются эти три старых человека. Хочется подбежать к ним и громко прочесть написанное. Как бы они обрадовались! Как жалко, что я все еще не хожу в школу! Если б можно было сейчас побежать в школу, быстро научиться читать и вернуться... О, я все равно научусь читать и писать! Я буду, как мама, читать толстые-претолстые книги, а прежде всего прочту все сказки.

Бабушка Фархуниса поднимает голову и к чему-то прислушивается.

— Кума, — говорит она, — это не ребята ли проходят по улице? Ты бы пригласила кого-нибудь из них, они прочитали бы эту бумажку.

У бабушки сразу светлеет лицо.

— Ой, правда! Чего мы так растерялись, когда есть у нас школьники! А я и позабыла про них!

Она смотрит в окно, потом, накинув шаль, быстро выходит.

Возвращается бабушка с Махмутом. Я знаю Махмута, он живет на нашей улице и учится в пятом классе.

— Сыночек, прочти-ка вот эту бумажку, сегодня Гюлхылу ее оставила нам, — говорит бабушка.

Я смотрю во все глаза на Махмута. Он гордо берет бумажку:

— Это телеграмма от тети Кюнбике. В ней написано по-русски.

— Это-то мы и сами знаем, — говорит дедушка Мансур.

— Читай, сынок, читай, — просит бабушка.

Махмут читает письмо по-русски, потом рассказывает по-башкирски:

— Тетя Кюнбике пишет: «Шестнадцатого приедем, пусть на станцию шлют лошадь. Привет всем».

Бабушка сразу засуетилась:

— Раздевайся, Мансур!.. Что же ты сидишь, кума! Раздевайся, поьем чайку!..

Она вдруг останавливается посреди комнаты:

— А которое сегодня число?

— Сегодня пятнадцатое, завтра шестнадцатое. Вот... и больше тут ничего не сказано, — важно говорит Махмут и собирается уходить.

— Садись, сынок, и ты садись! — удерживает его бабушка. — С медом поьем чайку!

— Спасибо, бабушка, мне в школу пора, — говорит Махмут и уходит.

У меня даже глаза загорелись, так я позавидовал Махмуту. Эх, как он читал! Громко, слово в слово, и ни разу не запнулся. Мало этого, так еще и от чая с медом отказался!

Дедушка Мансур и бабушка Фархуниса раздеваются и садятся к столу.

Я только сейчас начинаю понимать телеграмму: завтра приезжает из далекого города моя мама. Я помню, как она уезжала с большим мешком за спиной. Где она теперь? Почему сегодня еще не шестнадцатое число? Мне кажется, что мама уже входит в ворота и снег скрипит под ее ногами.

Бабушка включает радио. У нас радио днем говорит и поет по-русски, а вечером по-башкирски. Сейчас оно говорит по-русски.

— Непонятная у тебя привычка, сестра, — усмехается дедушка Мансур. — Ты ведь по-русски ничего не понимаешь, а каждый день слушаешь радио: когда ни приду, оно у вас говорит.

— Так ведь это, Мансур, сама Москва говорит. Когда слышишь голос Москвы, легко на душе, — отвечает бабушка. — Хотя я не понимаю слов, но знаю — это слова надежные.

Бабушка сдувает пепел с закипевшего самовара и ставит его на стол. Значит, теперь они уже будут пить чай.

ВОТ ОНА, МОЯ СЕСТРИЧКА!

У наших ворот останавливаются сани председателя колхоза — дяди Якупа. Мы с бабушкой прильнули к окну. С облучка слезает человек, одетый в тулуп. Я узнаю его. Это бригадир — дед Бадамша. В санях кто-то шевелится, мелькает белая шаль моей мамы. В одно мгновение бабушка выбегает во двор. Где же мои валенки? Один я нахожу сразу, а другого нет как нет. Мне хочется заплакать, потом я, кажется, уже и плачу. Пожалуй, от моих слез валенок прячется все дальше.

Слышно, как открываются ворота. Я вспрыгиваю на сундук и приникаю к окну.

Вот мама моя... Мама вернулась, мамочка моя!

А какую же это маленькую девочку ведет она с собой? Бабушка берет девочку на руки. Дальше терпеть нет сил. Я прыгаю с сундука и в одном валенке выбегаю на крыльцо.

Мама хватает меня на руки.

— Глупенький, — говорит она, — разве зимой бегают босиком!

Я ничего не отвечаю и только крепко-крепко прижимаюсь лицом к облепленной снегом шали.

Мы входим в дом, меня и маленькую девочку ставят друг против друга.

— Вот, Ямил, я привезла тебе сестру, — говорит мама. — Ее зовут Оксаной. Помоги ей раздеться.

Мне становится очень весело. Я обнимаю Оксану, заглядываю ей в лицо. Наконец-то у меня есть сестричка! Я не знаю, что делать от радости... Хочу поднять сестричку, но у меня не хватает сил.

Бабушка и мама, улыбаясь, смотрят на нас. Бабушка гладит меня по голове:

— Не поднимай ее, Ямил, ведь она такая же большая, как и ты.

Я снимаю с Оксаны пальто, теплую шапочку. Волосы у моей сестры не рыжие, как у Фагимы, а русые, на платье нарисованы не кружочки, похожие на глаза гуся, а бабочки с красными крыльями. И ростом она выше Фагимы. Почти с меня. А имя — Оксана! На всей улице ни у кого нет такого имени. Только почему же она все молчит?

— Мама, пусть Оксана скажет мне что-нибудь. Пусть скажет: брат!

— Она замерзла, сын мой, пусть немного отогреется, тогда все скажет. Ладно?

— Ладно...

Я беру сестру за руку и подвожу ее к сундуку. Потом достаю из-под кровати ящик со всеми моими игрушками. У меня вещей порядочно: каменный конь, деревянное ружье, маленькая тележка, ракушки, желуди, камешки, лист бумаги с наклеенными на нем картинками. А еще красновато-зеленый попугай и ножичек с железной ручкой. Вот сколько у меня игрушек! Я их все разложил на сундуке перед Оксаной.

— Бери, бери, — говорю ей, — все это отдаю тебе. Когда наступит лето, я соберу еще много красивых вещей.

Оксана опускает свои голубые глаза и молчит. Она стесняется меня. Но почему же она стесняется?

Я смотрю на бабушку, на маму. Они обе сидят около печки на скамье и, улыбаясь, смотрят на нас. Потом мама подходит и крепко обнимает нас обоих. В глазах у нее такая радость! Когда моей маме радостно, мне тоже очень хорошо. Это, наверно, бывает со всеми людьми, и с вами также.

— Играйте, голубки мои, играйте, — говорит мама.

Когда я был один, она никогда не говорила мне: «голубь мой», а сейчас говорит: «голубки». Это потому, что нас двое. Голубь, пожалуй, один никогда не бывает. Вон сколько голубей сделали себе гнезда на крыше нашего сарая!

«Дружные птицы: никогда не ссорятся, живут и воркуют», — говорит про них дедушка Мансур.

Когда моя мама обняла Оксану, сестричка засмеялась и стала смелее. Она протянула руку, потрогала желуди, подержала ракушку. Потом осторожно взяла за хвост красно-зеленого попугая и чуть-чуть встряхнула его. Но сколько ни тряс, он теперь не гремит. Я уже давно сделал в его животе дырочку и вытряхнул все камешки.

Сестра моя что-то сказала, но я не понял ее слов и сейчас же переспросил:

— Что ты сказала, Оксана, что?

Но она не повторила, только широко раскрыла свои голубые глаза и стала смотреть на меня. Я почему-то испугался.

Тогда мама села рядом со мной и говорит:

— Ямиль! Твоя сестра жила в далеком городе. В том городе по-башкирски не говорят. Потому и Оксана не умеет. Но ты ее научишь, ладно?

— Ладно, — говорю я, хотя и не совсем понимаю слова мамы.

А почему в том городе не говорят по-башкирски? А как же говорят там? Далеко ли тот город? Мне хочется хорошенько расспросить, но моя сестра вдруг подбегает к маме и прячет у нее на груди свое лицо. Может быть, она боится меня?

— Мама, скажи Оксане... я ведь ее не обижаю, я ее никогда не обижу, а, мама... — прошу я.

Мама отворачивается в сторону. Она всегда делает так, когда на ее глазах слезы.

— Идемте, дорогие гости, попьем чаю. Самовар остывает, — говорит бабушка.

Нас с Оксаной сажают рядом, на самое видное место. Я отдаю сестре свою маленькую чашечку:

— Бери насовсем, Оксана! Я не возьму ее у тебя обратно!

Что ж, если так сказал — никогда и не возьму.

Дедушка Мансур уже услышал о приезде мамы и Оксаны; он пришел к нам с бабушкой Фархунисой.

— Если шестилетний приезжает, шестидесятилетний должен прийти повидаться с ним: так учили нас старики, — говорит с порога дедушка Мансур.

Вскоре приходят еще гости — дядя Шагит, Сагида и другие. В этот день в гости к нам приходили все люди с нашей улицы. Они брали Оксану за руки, ласкали ее.

— Вот и у Ямиля теперь есть сестра. Какое красивое дитя! — говорит наша соседка, тетя Минликей. — Пусть будет здорова и счастлива.

Тетя Минликей дает нам обоим по горсти сушеной черемухи. Таскира, дочь деда Бадамши, приносит Оксане магазинную куколку в платьице и с платочком на голове. Оксане очень нравится эта кукла. Она учит ее ходить и прыгать.

До самого вечера все приходят люди. Когда в доме много народу, мне всегда очень весело. Вам, наверно, тоже?

Потом гости разошлись. Я сижу на коленях у мамы, а бабушка расчесывает Оксане волосы.

— Волосы у дочки стали жесткими, надо завтра баню ей истопить, — говорит бабушка.

Мне хочется поговорить с Оксаной. Но как это сделать, если она все равно не понимает моих слов! Почему она не понимает? Раньше не было сестры, а теперь она есть, но с ней нельзя даже поговорить...

— Ямилъ... — вдруг говорит Оксана.

Я даже пугаюсь в первую минуту.

— Ямилъ... — немного подумав, повторяет моя сестра.

Как хорошо, как красиво она говорит!

Я спрыгиваю с маминых колен и беру Оксану за руки.

— Скажи еще! Скажи! — прошу я.

Она улыбается мне, но молчит.

— И птица учится петь постепенно. Оксана тоже научится говорить, дитя мое, — успокаивает меня бабушка.

На дворе темнеет. Оксане уже хочется спать. Мама составляет вместе стулья и делает ей постель.

— Сегодня уж поспит так, а завтра мы внесем ей кроватку, — говорит бабушка.

Оксана ложится и сразу засыпает. Я сажусь около и все смотрю на свою сестричку. Потом кладу голову на краешек ее подушки и тоже засыпаю. Сквозь сон я слышу, как мама осторожно раздевает меня и укладывает в постель.

ОКСАНА ПУГАЕТСЯ

Бабушка давно уже уехала к себе в Тимертау. Мы живем втроем: я, мама и Оксана. Мама целый день работает возле колхозного амбара — очищает семенную пшеницу. Когда настанет весна, эту пшеницу посеют. В прошлом году мы с ребятами ездили на ближнее поле и видели, как сеют пшеницу. В одну сеялку запрягают двух лошадей, а если пускают трактор, он тащит сразу несколько сеялок. Вот какой сильный трактор! Мы это сами видели.

Мама приходит среди дня, чтобы сварить обед и покормить нас с Оксаной. Она всегда очень торопится и, как только мы поедим, опять уходит. Мы с сестрой остаемся одни и тоже начинаем работать — подметаем пол, моем чашки...

Оксана теперь уже привыкла ко мне и даже немного научилась со мной разговаривать. А вначале нам было очень трудно понимать друг друга. Я каждый день учу Оксану говорить по-

башкирски. Она показывает на какую-нибудь вещь и спрашивает:

— Что это? Как называется?

И сейчас уже многое знает сама.

Оксана познакомилась с Фаритом, Маратом и Фагимой. Мы вместе катались на санках. Теперь уже с каждым днем становится теплее. Недавно наши матери праздновали свой праздник — Восьмое марта. Скоро придет весна.

Иногда мама оставляет нас у Марата и Фагимы. Мы вместе играем в «жмурки», бегаем по комнате, прыгаем прямо с печки на пол.

— Потихе бегайте! Что вы стучите, как будто у вас пятки каменные! — говорит нам бабушка Марата.

Она не похожа на нашу бабушку и очень не любит, когда шумят. Может быть, у нее болит голова?

Оксана и Фагима назвались подружками. Так и должно быть, ведь в прошлом году мы с Маратом тоже дали друг другу обещание дружить. Теперь мы с Маратом взяли сестричек за руки и три раза спросили:

— Подруга ли?

И каждая из них три раза ответила:

— Подруга!

На нашей улице все девочки и мальчики делают так, когда хотят подружиться.

Сегодня мы с Оксаной одни дома. На улице очень ветрено. Ветреный день я всегда узнаю по березке в дальнем углу сада, ее видно из окна. Когда ветер сильный, береза начинает качаться, как будто вот-вот сломится и упадет. Ее голые ветки бьются о наш забор, и мне кажется, что дереву больно. Я сержусь на этот ветер за то, что он мучает бедную березу...

Мы вместе с Оксаной смотрим в сад. Из трубы дома деда Мансура поднимается серый дым и стелется по земле. Может быть, он согреет нашу березу?

Я вспоминаю одну свою тайну, которую давно-давно храню про себя. Я хотел рассказать о ней Оксане, когда растает снег и настанет весна, но не могу выдержать и тихонько говорю:

— Оксана! Когда настанет весна, я подарю тебе целый дворец сокровищ!

Сестра смотрит на меня удивленными глазами. Она, наверно, никогда не видала сокровищ.

— Вот видишь — сад, — говорю я. — Это не простой сад, в нем растут серебряные деревья с золотыми листьями. В этом саду день и ночь поют разные птицы, сладко пахнут цветы и на ветках висят большие медовые яблоки. Там, среди деревьев, есть одна береза, под березой — каменный дворец, а во дворце спрятано сокровище одного сказочного мальчика. Сокровище это — чудные игрушки. Когда настанет лето, этот мальчик приведет к березе маленькую сказочную девочку, отроет из-под земли каменный дворец и скажет: «Вот, сестричка, все, что есть в этом дворце, — твое. Играй и радуйся, пусть у тебя никогда не будет печали!»

— Это сказка? — спрашивает Оксана.

Я нехотя киваю головой.

— Мне не хочется, чтоб это была сказка, пусть это будет правда, — просит моя сестра.

— Глупенькая! — говорю я. — Ведь мальчика зовут Ямилом, а девочку Оксаной!

Оксана весело смеется:

— Расскажи еще, Ямил!

— В этом саду, — продолжаю я, — мы повесим на деревьях красные флажки и летом сделаем там пионерский лагерь, совсем как на реке Серебряной. Придут Фарит, Марат и Фагима. Мы будем петь песни... Давай сейчас попробуем спеть песню!

— Давай, — говорит Оксана.

Мы смотрим в окно на наш сад и громко поем:

Придет весна, придет весна!
Растает снег, растает снег,
И сразу вырастет трава!
Мы пойдем в наш сад.
С песней войдем мы в сад!
Мы повесим флажки, повесим флажки!
Мы лагерь сделаем, как у реки,
Как у Серебряной реки...

— И птицы пусть живут в нашем лагере. Они красиво поют, — говорит Оксана. — Мы не будем их пугать, ладно?

— Нет-нет, мы не будем пугать птиц! Не будем бросать в них камешки и кричать «киш»! Правда, Оксана? Только коршуна будем прогонять, потому что он ворует цыплят.

Карим М.

К 23 Радость нашего дома. Долгое-долгое детство : повести, рассказы / Мустай Карим ; пер. с башк. И. Каримова, В. Осевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 704 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26058-0

Мустай Карим (1919–2005) — замечательный башкирский писатель, поэт и драматург, чьи произведения хорошо известны не только на родине: они переведены на десятки языков. Творческое наследие Карима обширно и разнообразно, широкую известность ему принесли повести «Радость нашего дома», «Таганок» и автобиографическая повесть «Долгое-долгое детство». В них писатель обращается к теме детства. Пропитанные национальным колоритом, эти произведения звучат поистине интернационально, они близки и понятны каждому. Их герои, порой наивные, порой смешные, несмотря на юный возраст и тяжелые испытания, сохраняют душевную чистоту, достоинство, веру в добро и милосердие.

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос.Баш)-44

МУСТАЙ КАРИМ

РАДОСТЬ НАШЕГО ДОМА

•

ДОЛГОЕ-ДОЛГОЕ ДЕТСТВО

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Людмила Дубовая, Юлия Теплова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.08.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 43,12. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-35937-01-R